

иеромонах НИКОДИМ (Д. В. ХМЫРОВ)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРАТСТВА СВ. АНАСТАСИИ В МЕНТОНЕ (ФРАНЦИЯ) В 1920-Х ГОДАХ И ПОПЫТКИ СЕКВЕСТИРОВАТЬ ИМУЩЕСТВО РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. Статья посвящена благотворительной деятельности Братства Св. Анастасии в Ментоне (Франция) в 1920-х годах. Этому периоду жизни русского православного прихода еще не уделялось подробного внимания исследователей. На материалах из Государственного архива РФ рассмотрены важные вопросы, отражающие специфику жизни русских эмигрантов: возрождение деятельности прихода в новых исторических условиях, преодоление материальных и юридических трудностей, защита церковного имущества от посягательств советской власти. Одной из важнейших задач Архиерейского Синода РПЦЗ, наряду с решением финансовых вопросов, назначением священнослужителей, организацией образовательной и издательской деятельности, — была, безусловно, благотворительность. Большую роль в этом играли православные братства и сестричества, каждое из которых имело свою задачу. Расположение Русского дома во французском Ментоне, на Лазурном берегу, обусловило род деятельности Братства Св. Анастасии. Его целью была помощь пожилым русским эмигрантам, попечение о больных и скончавшихся. Главной особенностью Братства являлось его самостоятельное материальное положение. Это единственная благотворительная организация русских эмигрантов во Франции, которая существовала независимо от частных пожертвований, сборов, подписок, благотворительных концертов и базаров, поскольку в ее распоряжении находилось ценное общественно-национальное имущество. Благодаря грамотному управлению Совета Братства в разные периоды, независимо от юрисдикционной принадлежности его членов, удалось сберечь Русский дом как общественное учреждение, сохраняющее связь с православными традициями в деле заботы и благотворительности.

Ключевые слова: Русская Зарубежная Церковь, русская православная эмиграция, Братство Св. Анастасии в Ментоне, Русский дом в Ментоне, Церковь Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца в Ментоне, секвестр церковного имущества за рубежом

Для цитирования: иеромонах Никодим (Хмыров Д. В.). Благотворительная деятельность братства Св. Анастасии в Ментоне (Франция) в 1920-х годах и попытки секвестрировать имущество Русской Зарубежной Церкви // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 481–487. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).481-487

Ментон – город-курорт на Лазурном берегу во Французской Ривьере, возле итальянской границы. Он отличается очень мягким климатом, обилием садов и парков. Русское благотворительное общество было основано здесь еще в 1880 году под покровительством великой герцогини Анастасии Михайловны. Целью общества была помощь русским подданным, проживавшим в Ментоне, Бордигере и Сан-Ремо, попечение о больных и скончавшихся. В начале 1892 года общество приобрело трехэтажное здание в одном из самых живописных кварталов Карноле. Это здание и стало называться Русский дом. Вокруг него был устроен сад из лимонных, апельсиновых и оливковых деревьев, пальм и разнообразных цветов. Вскоре для размещения тяжелобольных и умирающих была приобретена небольшая (на 5 человек) вилла Innominata (Безымянная). При Русском доме было создано Братство во имя святой великомученицы Анастасии. После устройства Русского дома общество решило рядом с ней построить и церковь. Она была заложена 5 (17) июня 1892 года и освящена 24 ноября (6 декабря) того же года во имя иконы Божией Матери и святителя Николая Чудотворца. В 1912 году для духовенства вблизи храма был куплен отдельный дом. В 1880 году в Ментоне было также основано русское кладбище под названием «Старый замок». В 1886 году на деньги русских

благотворителей там было устроено место захоронения русских воинов с часовней иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Это было сделано в память сестры милосердия Александры Тепляковой, оказывающей медицинскую помощь раненым в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского) есть заметки о посещении Ментона: *«Здесь у нас маленькая, но прекрасная церковь во имя Скорбящей Божией Матери, просторный дом (построенный когда-то для туберкулезных) и вилла «Innominata», где жил священник»* [Георгиевский, 1994, с. 360]. Подробные сведения о Русском доме можно найти в брошюре *«Братство Св. Анастасии в Ментоне. Исторический очерк (1880–1928)»* (Париж, 1928) [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 1–8 об]. До революции Русский дом представлял собою большое 3-этажное здание, где было устроено 40 комнат для больных: *«...почти все выходят окнами на солнце — углы закруглены, полы из особой массы, легко моющиеся, но теплой на ощущение (смесь цемента с опилками), — окна снабжены особой вентиляцией, отопление центральное, лифт, ванны, светлые широкие коридоры, масса воздуха и чудный вид на море, достаточно далекое, чтобы не беспокоить больных»* [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 4]. В полуподвале имелось 10 комнат для прислуги, большая кухня, прачечная и кладовая. Вдоль всего здания шел балкон с выходами из всех комнат 2-го этажа: для больных, лишенных прогулок вне дома. В сосновой роще неподалеку была устроена галерея для лечения солнцем и воздухом. Вся постройка вместе с участком обошлась в 183 000 фр.

После начала Первой мировой войны председатель совета Братства С. А. Каншин предложил Русский дом французскому правительству в безвозмездное пользование — для размещения и лечения больных туберкулезом солдат. Всего через госпиталь прошло до 2000 больных, и помещение за военные годы пришло в полную негодность, сад одичал, инвентарь сломался. Окончание войны, совпавшее с русской революцией, принесло мало утешительного для Братства. Казенные дотации прекратились, многие благотворители потеряли свое состояние, капиталы, хранившиеся в Синоде, были «национализированы», а русские процентные бумаги, оставшиеся во Франции, обесценились.

Высшим органом Русской Зарубежной Церкви был Архиерейский Синод в Сремских Карловцах (Королевство СХС, позже Югославия). В его ведении находились вопросы управления округами и приходами в странах по всему миру, финансовые вопросы, назначение и награждение священнослужителей, дисциплинарные и судебные, а также бракоразводные дела, межправославные и межконфессиональные связи, контроль за образовательной и издательской деятельностью. Но, безусловно, одной из важнейших задач Русской Церкви в эмиграции являлась благотворительность. В приходском Уставе РПЦЗ, принятом на Первом Всезарубежном Церковном Соборе 8–21 ноября 1921 г. (большей частью повторявшем Устав Российской Православной Церкви), две главы были посвящены организации социальной и благотворительной деятельности: глава 8 «О приходских учреждениях» и глава 9 «Просвещение населения». Перечисленные там виды деятельности — организация школ, приютов для сирот, богаделен, больниц, яслей, библиотек, читален и других учреждений — имели место и активно развивались в православных приходах в Европе, Азии и Америке. Большую роль в делах благотворительности играли православные братства и сестричества.

22 ноября 1918 года Архиерейский Синод на время закрыл церковь «ввиду бедственного положения причта» [Антонов, Кобак, 2005, с. 399]. Но уже в 1919 году в Ментоне образовалась небольшая русская колония, члены которой захотели возобновить церковные службы. По инициативе группы эмигрантов во главе с г-ном Крупенским и при участии трех членов Совета Братства (г-жи Левченко, графа Клейнмихеля и г-жи Гончаровой) церковь была открыта. Приглашен военный священник отец Цветаев, который оставался во Франции во время войны. Он привлек отца Д. Барсова, и они вдвоем стали совершать богослужения, поселившись на пустующей вилле. К сожалению, этот период в Ментоне не отличался мирным течением церковной жизни. Как вспоминал митрополит Евлогий, *«настоятель Ментонской церкви протоиерей Н. Аквилонев, застигнутый революцией, остался в России, и теперь в приходе шла борьба двух священников, участников Великой войны на французском фронте: кому из них быть настоятелем? Прихожане раскололись; одни стояли за о. Н. Цветаева, другие — за о. Д. Барсова. Я назначил священника Барсова в Баден под Веной, а о. Цветаева оставил в Ментоне, тем самым конфликт был улажен»* [Георгиевский, 1994, с. 360].

В 1920 г. великая княгиня Анастасия Михайловна скончалась, и прежний устав Братства (предполагавший ее покровительство) потерял свое значение. Перед этим она передала председательские функции своему секретарю Палтову, не состоявшему даже членом Братства, что было явным нарушением устава. Это привело к возникновению ряда судебных разбирательств. *«Судебная процедура во Франции, очень длительная, формальная и сложная, чрезвычайно тяжела для иностранцев, — отмечали авторы исторического очерка, — и только крайность заставила Братство прибегнуть к суду. Попытки покончить недоразумение миром и добиться возвращения документов, ценностей г-ном П[алтовым] и архива путем переговоров не привели ни к чему. В силу этого, имущество Братства, как объект тяжбы, было признано французским судом подлежащим надзору особого судебного администратора, впредь до разрешения спора»* [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 11]. Благодаря тому, что французский чиновник, проживающий в Париже, оказался человеком благоразумным, деятельность Совета не встречала с его стороны никаких ограничений или препятствий. Хотя такая ситуация создавала дополнительные трудности: все денежные средства и расходы Братства осуществлялись посредством этого чиновника, находившегося в Париже.

Попытки урегулировать дело мирным путем повторялись неоднократно. Члены Братства даже прибегали к посредничеству великих князей Андрея Владимировича и Александра Михайловича, к родственникам и друзьям г-на Палтова, к его знакомым. Но все эти меры не дали желаемого результата. Чтобы восстановить нормальную деятельность Братства, потребовалось собрать новый Совет и привлечь новых лиц из числа влиятельных представителей русской диаспоры. Участие в собрании приняли: почетный член Братства А. А. Левченко, член совета граф Н. Н. Сумароков, б. председатель совета С. А. Каншин, член совета по должности отец Аквилонев, консул Е. С. Протопопов, И. Ф. Буренин (бывший церковный староста в Лондоне), Д. И. Вальнев, И. Н. Гамалея (местные крупные собственники), Н. Н. Гирс (бывший посол в Австрии), А. С. Гижицкий, Е. П. Ковалевский (член Епархиального совета), Маркиз Меранвиль (председатель Благотворительного общества), Н. Я. Муравьев,

А. Н. Наумов (бывший министр земледелия), Н. В. Поливанов, М. А. Суковкин и А. С. Чурдинов (крупный домовладелец). В следующих собраниях приняли участие еще два члена Братства: Е. М. Кристафович и В. П. Фомичев. Остальные члены, проживающие в разных частях Франции, письменно заявили о своей солидарности с собранием и признании законности его. *«Таким образом, — отмечают авторы исторического очерка, — с конца 1923 года восстановилось общественное дело большой ценности на юге Франции. Большое моральное удовлетворение Братство испытало благодаря вступлению в его состав двух почетных членов: великого князя Андрея Владимировича, душеприказчика покойной великой княгини Анастасии Михайловны и ее брата, великого князя Александра Михайловича»* [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 9].

Самой первой заботой Братства стало подтверждение юридических прав на движимое и недвижимое имущество в Ментоне, без чего была бы невозможна никакая дальнейшая деятельность. После регистрации нового Совета и измененного устава Русский дом, с помощью судебного пристава, был открыт и передан в распоряжение Совета. Было решено сразу же, с октября 1923 года, поселить в наиболее сохранившейся части (бывшей квартире начальницы санатории) секретаря Братства М. А. Суковкина и назначить его заведующим Домом за квартиру и небольшое вознаграждение. После этого начались хлопоты о получении от французского правительства денежного возмещения убытков и потерь, понесенных Братством во время войны, поскольку за шесть лет использования Дома в качестве госпиталя он пришел в негодность. Убытки были исчислены в сумме 39 000 франков, на которые планировали сделать ремонт.

После этого встал вопрос о том, как наиболее целесообразно использовать здание с наибольшей пользой для Братства и его благотворительных целей. Имелось несколько возможностей: самым простым и очевидным решением было сдать дом в аренду на несколько лет под коммерческое предприятие (например, гостиницу). За него предлагали 60 000 фр. в год. Но этот план имел большой минус: великолепно построенный дом, перейдя в руки предпринимателей, совершенно утратил бы связь с прошлыми традициями и пропал бы для русских, сильно нуждающихся в дешевом помещении и улучшении здоровья. Конечно, деньги могли бы пойти на дела благотворительности, но сам Дом перестал бы существовать как общественное учреждение.

Эксплуатировать его как санаторий, при разрушении инвентаря и безденежье, было совершенно невозможно. Поэтому Совет Братства охотно пошел навстречу другой благотворительной организации — Франко-Русскому комитету в Каннах. Этот комитет, устраивая дешевые комнаты для русских эмигрантов на юге, предложил сделать то же самое с Русским домом в Ментоне, сдав его в аренду комитету за минимальную плату. Это позволило бы назначить постояльцам небольшую цену за комнаты [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 10].

Е. П. Ковалевскому удалось добиться, чтобы 39 000 фр. компенсации за пребывание французских солдат были получены из Парижа. Летом 1924 года ремонт был сделан, и с октября дом заполнился жильцами. Все преимущества помещения сразу привлекли множество желающих тут поселиться: светлые, высокие комнаты, балкон, террасы, удачное местоположение создали Русскому дому репутацию

«земного рая» для малоимущих беженцев. Помимо 39 000 фр., которые были получены Братством, Франко-Русскому комитету ничего не пришлось добавлять на ремонт. Внутреннее устройство и распорядок Русского дома были такими: *«Столовая, кухня и прачечная переданы были комитетом лицам (из живущих в самом доме), которые взялись за минимальную плату отпускать обеды жильцам и стирать на них. Параллельно в распоряжение жильцов предоставлялись поставленные на каждом этаже газовые очаги и разрешалось пользоваться прачечной в определенные дни. На каждом этаже поставлена ванна, которая топится несколько раз в неделю, чтобы все живущие могли ей пользоваться. Меблированная комната на солнце сдается за 100 фр., такая же с балконом за 125 фр., а выходящие на запад и северо-запад — за 80 и 60 фр. в месяц»* [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 11].

По поводу атмосферы в Русском доме авторы очерка сообщают, что она *«соответствовала вполне его внешнему благообразию»* [Там же]. Там собралось около сотни людей приблизительно одинакового общественного положения и воспитания, поэтому среди них царили миролюбие, терпимость и взаимная обходительность. Юрисдикционные разделения не оказывали значительного влияния на повседневную жизнь прихожан и жителей пансионата, хотя и затронули священников церкви. В 1927 году протоиерей Н. П. Аквилонov, который дважды был настоятелем церкви в Ментоне (в 1900–1914 и в 1922–1927 годах), по выражению митрополита Евлогия, *«перешел к карловчанам»* [Георгиевский, 1994, с. 388–389]. В 1927–1929 годах Н. П. Аквилонov служил помощником настоятеля Иоанно-Предтеченской церкви Ниццкого прихода РПЦЗ, и в то же время по совместительству проводил службы в церкви Иверской иконы Божией Матери прихода РПЦЗ в Ментоне.

В последующие годы Совет Братства обсуждал планы о расширении дома и увеличении числа комнат, так как желавших в него попасть было очень много. Но небольшая арендная плата целиком уходила на содержание церкви, причта, хора и пенсию бывшей начальнице. Небольшие субсидии выплачивались некоторым особо нуждающимся лицам, больным и учащимся. Кроме того, нужно было платить высокие налоги. Поэтому никаких сбережений на постройку не было. Единственное, что могло улучшить ситуацию, это возможности, которые заключались в значительных земельных участках при Доме и вилле.

Еще одна тяжба вокруг Русского дома в Ментоне была связана с защитой церковного имущества в разных странах от притязаний советской власти. Эти вопросы только недавно начали обращать на себя внимание исследователей. Характерный пример — история церкви Св. Николая Чудотворца при российском посольстве в Софии (Болгария). В вышедшей недавно статье [Хмыров, 2023, с. 333–344] подробно описаны попытки секвестировать церковное имущество после того, как национальное правительство признало советскую власть. Статья основана на документах из ГАРФ: протоколах заседаний Приходского совета, переписке епископа Серафима (Соболева) и Архиерейского Синода РПЦЗ с председателем Священного Болгарского Синода митрополитом Неофитом и министром иностранных дел Болгарии г-ном Батоловым, материалах для доклада Ю. П. Граббе Архиерейскому Синоду и письмах других лиц [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 221, л. 5–13 об., и др.].

Ситуация, сложившаяся в 1934 году вокруг этого храма, отражает характерные черты и тенденции своего времени. В документах приводятся также сведения о том, как складывалась ситуация с защитой церковной собственности во Франции, Аргентине, Греции, Румынии и Югославии.

Ярким примером попыток секвестировать церковное имущество является ситуация, сложившаяся вокруг Русского дома в Ментоне. После признания Францией советской власти в 1924 году правительством была сделана попытка отторгнуть имущество Братства, одновременно с другим имуществом «русского происхождения» во Франции. К счастью, дело по снятию секвестра в отношении Братства разрешилось быстро и благополучно, поскольку в защиту русских интересов, в качестве адвоката, выступил г-н Мильеран, бывший президент республики.

В 1928 году Братство участвовало в 25-летнем юбилее архиерейского служения митрополита Евлогия. По постановлению Совета, депутацией из членов Братства, проживающих в Париже, был поднесен митрополиту адрес, присланная с юга корзина фруктов и передано в его распоряжение на цели благотворительности из сумм Братства 500 франков.

Два существенных вопроса, которыми занималось Братство в 1928 году, были: дальнейшее использование Русского дома после окончания контракта с Франко-Русским комитетом и превращение крупных земельных участков при вилле Innominata в доходную статью. Последнее позволило бы расширить и усовершенствовать Русский дом и увеличить ассигнования на больных и неимущих.

Главной особенностью Братства Св. Анастасии в Ментоне являлось его самостоятельное материальное положение. Оно было единственной благотворительной организацией во Франции, которая существовала независимо от частных жертвователей, сборов, подписок, благотворительных концертов и базаров, поскольку в его распоряжении находилось ценное общественно-национальное имущество.

Литература

- Антонов В. В., Кобак А. В. (2005). *Русские храмы и обители в Европе*. СПб.: Лики России, 399.
- ГАРФ (б.д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 370. Братство Св. Анастасии в Ментоне. Исторический очерк (1880–1928). Брошюра. Париж, 1928. Л. 1–11.
- ГАРФ (б.д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 221. Выписка из журнала Архиерейского Синода, переписка Синода с министром Иностранных дел царства Болгарского, с архиепископом Серафимом, митрополитом Неофитом, председателем Синода православной Болгарской церкви о положении церковных дел в Болгарии. Л. 5–13 об. и др.
- Евлогий (Георгиевский), митрополит. (1994). *Путь моей жизни: Воспоминания*. М.: Московский рабочий; ВПМД, 360.
- Хмыров Д. В. (2023). О притязаниях советской власти на церкви при российских посольствах (На примере церкви Святителя Николая Чудотворца в Софии, 1934 г.). *Христианское чтение*, 1, 333–344. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_333

References

- Antonov V. V., Kobak A. V. (2005). *Russkie khramy i obiteli v Evrope* [Russian churches and monasteries in Europe]. St. Petersburg, 399.
- Evlogiy (Georgievskiy), mitropolit. (1994). *Put' moey zhizni: Vospominaniya*. [The path of my life: Memories]. Moscow, 360.
- GARF (n.d.). *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-

6343. Op. 1. D. 370. Bratstvo Sv. Anastasii v Mentone. Istoricheskiy ocherk (1880–1928). Broshyura. Parizh, 1928. L. 1–11.

GARF (n.d.). *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation] F. R-6343. Op. 1. D. 221. Vypiska iz zhurnala Arkhiereyskogo Sinoda, perepiska Sinoda s ministrom Inostrannykh del tsarstva Bolgarskogo, s arkhiepiskopom Serafimom, mitropolitom Neofitom, predsedatelem Sinoda pravoslavnoy Bolgarskoy tserkvi o polozhenii tserkovnykh del v Bolgarii. L. 5–13 ob. i dr.

Khmyrov D. V. (2023). O prityazaniyakh sovetskoy vlasti na tserkvi pri rossiyskikh posol'stvakh (Na primere tserkvi Svyatitelya Nikolaya Chudotvortsya v Sofii, 1934 g.) [About the claims of the Soviet government to the churches at the Russian embassies (On the example of the Church of St. Nicholas the Miracle-Maker in Sofia, 1934)]. *Khristianskoe chtenie*, 1, 333–344. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_333

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Иеромонах Никодим (Денис Владимирович Хмыров) – кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; ORCID: 0000-0003-0951-0181; Hmyrovdenis@mail.ru

Hieromonk Nikodim (D. N. Khmyrov)

CHARITABLE ACTIVITIES OF THE FRATERNITY OF ST. ANASTASIA IN MENTON (FRANCE) IN THE 1920S AND ATTEMPTS TO SEQUESTER THE PROPERTY OF THE RUSSIAN CHURCH ABROAD

Abstract. The article deals with charity work of the fraternity of St. Anastasia in Menton (France) in 1920s. This period of life of the Russian Orthodox parish has not been given detailed attention by researches yet. The important issues are considered reflecting the specifics of the life of Russian emigrants: reviving the parish's activities, in new historical circumstances, overcoming material and judicial difficulties, protecting the church property from the assault of Soviet government from the materials from the State Archive of the Russian Federation. Charity was one of the most important issues of the Synod of Bishop of ROCOR besides dealing with financial issues, the appointment of clergymen, organization of educational and publishing activities. An important role in that was played by orthodoxy fraternity and sorority sisters, each of which had its own task. The location of the Russian house in Menton in France, on the French Riviera ("Cote d'Azur" (Fr.)), caused the type of activity of the fraternity of St. Anastasia. Its aim was to help elderly Russian emigrants, to take care of sick and who died. The main peculiarity of the Fraternity was its independent financial position. It was the only charitable organization of Russian emigrants in France that existed independently of private donations, fees, subscriptions, charity concerts and bazaars, because it had valuable social and national property. Due to the competent management of the Fraternity Council in different periods, regardless of the jurisdictional membership of its members, it was possible to save the Russian house as a public institution that maintains a connection with orthodox traditions in care and charity.

Keywords: Russian Church Abroad, Russian Orthodox Emigration, the fraternity of St. Anastasia in Menton, Russian house in Menton, Our Lady's Church and Saint Nicolas, the Miracle Maker in Menton, sequestration of church property abroad

For citation: Hieromonk Nikodim (Khmyrov D. N.). (2023). Charitable activities of the fraternity of St. Anastasia in Menton (France) in the 1920s and attempts to sequester the property of the Russian Church Abroad. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 481–487. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).481-487